

— Нарисуй, давай, — сказал Ло Вэй. — Только не говори, что это свинья.

Вэй Лань взял кисть и нарисовал несколько линий на чистом листе.

— Это пирожок! — Ло Ю захлопал в ладоши.

На рисунке был изображён горячий пирожок с начинкой, из которого торчал кусочек мяса, а рядом аккуратно стояли два иероглифа — «двадцать девять».

Увидев это, Ло Вэй словно лишился чувств. Как это могло быть? Он с изумлением смотрел на Вэй Ланя.

— Господин! — Вэй Лань шагнул вперёд и подхватил Ло Вэя, который уже потерял сознание.

Обморок Ло Вэя вызвал переполох во всём поместье.

Слуги из резиденции министра поспешили во дворец, чтобы вызвать лекаря Вэя. Тем временем из ближайшей аптеки также пригласили врача.

— Сначала приведите его в чувство! — с тревогой сказал Ло Чжицию врач. Вид Ло Вэя, лежащего без сознания, заставлял его сердце сжиматься от страха, что его сын может не проснуться. Но он также верил, что его ребёнок не уйдёт так просто.

— Ачоу, — врач сделал несколько уколов, и Ло Вэй, хотя глаза его оставались закрытыми, заговорил.

— Вэй! — Ло Чжицию окликнул сына.

— Ачоу, — голос Ло Вэя был слабым, а руки поднялись, словно пытаясь что-то схватить в воздухе.

— Ачоу, — Ло Чжицию спросил Вэй Ланя. — Кто такой Ачоу?

Вэй Лань покачал головой. Его лицо было бледным, не лучше, чем у Ло Вэя. Этот внезапный обморок почти лишил его рассудка.

— Кто такой Ачоу?! — Ло Чжицию громко спросил всех в комнате и за её пределами.

Слуги в соседней комнате переглянулись и покачали головами. Наконец, главный управляющий сказал:

— Ваше превосходительство, в поместье нет человека с таким именем.

— Господин? — Вэй Лань схватил руку Ло Вэя, которая беспорядочно двигалась. — Господин!
— он повторял снова и снова.

Рука Ло Вэя сжала руку Вэй Ланя с такой силой, что тому стало больно.

Врач с серьёзным выражением лица остановился и, набравшись смелости, сказал Ло Чжицию, что состояние Ло Вэя плохое.

Фу Хуа и Сюй Юэмяо только вошли в комнату, как услышали эти слова. Фу Хуа сразу же почувствовала слабость в ногах и едва не упала. Сюй Юэмяо, поддерживая её, заплакала. Как может человек, который ещё недавно был здоров, внезапно оказаться на грани смерти?

— Что бы ни случилось, спасайте его, — сказал Се Юй врачу. — Вы не можете просто стоять здесь.

Врач ответил:

— Господин, похоже, находится в каком-то кошмаре. Я могу только сделать всё возможное.

Ло Чжицию с нетерпением ждал лекаря Вэй, но, сдерживая своё беспокойство, сказал врачу:

— Делайте, что можете. Я не бесчувственный человек.

Через полчаса лекарь Вэй, запыхавшись, прибыл вместе с несколькими другими лекарями.

Никто не связал эту болезнь с рисунком Вэй Ланя. В суматохе все забыли о том, кого Ло Вэй назвал «Ачоу».

Ло Вэй не отпускал руку Вэй Ланя, и Ло Чжицию с другими были вынуждены позволить Вэй Ланю остаться у его постели. Вэй Лань сам этого хотел. Он только смотрел на Ло Вэя, не обращая внимания на окружающих. Ему было всё равно, лишь бы этот человек оставался жив.

Кто такой Ачоу? Даже если Ло Вэй проснётся, он никогда никому не расскажет о нём.

Этот человек, вместе с позорными воспоминаниями прошлой жизни и даже с огромным гробом Лун Сюаня, был спрятан в глубине сердца Ло Вэя. Он не думал об этом, но эти воспоминания всегда жили в нём, как тени, следовавшие за ним повсюду, никогда не покидая.

В этом мире не только люди делятся на высших и низших, но даже кошки, собаки, лошади, растения и дома имеют свою иерархию. Двор Хуаньси на Цветочной улице в Шанду занимал среднее положение — не самый лучший, но и не самый худший. Люди в Дворе Хуаньси были жалкими, но даже среди них существовала своя иерархия.

В тот год зима в Шанду наступила рано. Казалось, осень ещё не закончилась, как снег уже покрыл город, превратив его в зимний пейзаж за одну ночь.

Цветочная улица была полна жизни, люди приходили и уходили, звучали музыка и смех, и повсюду царила атмосфера веселья.

Перед Двором Хуаньси, который обычно не пользовался большой популярностью, в тот день собралась толпа. Охрана выбросила на улицу раба-преступника, который был почти голым.

— Это он, — люди, увидев этого раба, сразу начали обсуждать его.

Как ни странно, самым известным в Дворе Хуаньси был не какой-нибудь артист, а этот раб, который уже не мог ходить. Происхождение этого раба никто уже не помнил, но все знали, что он был самым грязным и низшим существом на этой улице, если его вообще можно было назвать человеком.

— Почему он ещё жив? — кто-то с отвращением посмотрел на раба. — Непонятно, зачем он цепляется за жизнь.

Полмесяца назад в Двор Хуаньси, который никогда не посещали высокопоставленные гости, пришли несколько человек с явно благородной внешностью. В то время раб служил мастифу, чтобы развлечь посетителей. Но главный из гостей вдруг подошёл к клетке раба. Хозяин испугался и приказал увести собаку, стоя в стороне и не смея говорить.

Гость долго смотрел на раба, а затем внезапно разозлился и без предупреждения вырвал у него левый глаз. Все, включая сопровождающих гостя, были шокированы. Неясно, что напугало их больше — крик раба, окровавленная рука гостя или лицо раба, залитое кровью.

После этого гость молча ушёл, оставив одного из своих слуг, который дал испуганному хозяину много серебра и приказал лечить раба, чтобы тот не умер.

Хозяин был жестоким человеком, но к этому рабу он испытывал жалость. Раб был прислан чиновниками, и уже тогда у него были искалечены ноги и руки, а тело покрыто шрамами. Единственное, что оставалось целым, — это его лицо, которое было красивее, чем у всех артистов в его дворе. Раб был послушным, служил кому угодно, даже животным, и ел только то, что ему давали. Когда не было гостей, он сидел в углу, неподвижно, как мёртвый. Он терпел побои, лишь иногда стоня от сильной боли, и молча сносил оскорбления. Хозяин с тех пор, как забрал его из тюрьмы, никогда не слышал от него ни слова. Он хотел относиться к рабу лучше, но чиновники ясно дали понять, что этот человек провинился перед высокопоставленным лицом и не должен жить хорошо. Хозяин не смел перечесть и, боясь чиновников, подавлял свою жалость, издеваясь над рабом.

Раб лежал на улице полмесяца, и чиновники присылали ему лекарства, чтобы он не умер.

В тот день хозяин, решив сменить повязку, спросил раба:

— Кого ты обидел? Этот человек хочет, чтобы ты жил и страдал, даже не давая тебе умереть.

Раб впервые проявил характер и смахнул чашку с лекарством.

Хозяин, разозлённый его неблагодарностью, приказал выбросить раба на улицу.

— Сегодня этот человек бесплатен, кто хочет — играйте с ним, — сказал хозяин, стоя у входа.

— Такой грязный, мы ещё заболеем! — кто-то крикнул.

Под смех толпы раб лежал на снегу, не пытаясь прикрыть своё обнажённое тело. Он давно забыл, что такое стыд.

— Пусть Ачоу подойдёт! — кто-то крикнул.

Все обернулись. У стены сидел нищий, покрытый язвами, который появился на Цветочной улице несколько дней назад. Он не мог говорить, и все звали его Ачоу.

— Подойди сюда, — хозяин поманил нищего и указал на раба. — Этот человек твой на несколько дней!

<http://bllate.org/book/16669/1529016>